

Плот перевернулся

Дела о дезертирстве и самоволке теперь выглядят иначе, и в тюрьму пускают не всех. Военные транспортники летят с беглецами обратно, в Ростов

Во дворах на улице Ленина, Красноярск. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

07:48, 28 октября 2025,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

Видеть в тюрьме надежду для себя и проситься в нее — такого Россия еще не знала. Карточки дел, публикуемые в последнее время гарнизонными военными судами, свидетельствуют: дел о самовольном оставлении части и дезертирстве немало.

Казалось бы, чего такого: круговорот в российской природе не нашедших себя мужчин, кто из тюрьмы в войска, кто обратно, кто замер, кто уже прорастает снытью, а кто-то возвращается в этом цикле. Но нет, сегодня все дело в том, что порой беглых в тюрьму... не берут. Хотя они и пишут явки с повинной.

Россия лишается одного из фундаментальных оснований своей жизни. Тюрьма с ней, казалось, навсегда, она столь же вечная, как эта погода, как это пустое небо, простреливаемое насквозь. Страх тюрьмы держал это пространство, как обруч бочку. И вот колонии закрывают, а новую клиентуру — при всех ее явках, признаниях, раскаяниях — пускают в тюрьму выборочно. Это еще надо заслужить. Жесткий конкурс отсеивает не избранных, не неприкосновенных — огромную категорию населения. Она сейчас защищена от тюрьмы. Да и, к слову, от суммы.

И жизнь теперь такова, что тюрьмы не то что не боятся (ее нельзя не бояться), но она уже страх меньший.

И еще одно, что недавно было трудно представить.

Раньше отказывался писать о тех мужчинах, кто шел за помощью, но боялся публикации своего имени (им уже ничто не поможет). Сейчас даже тех, кто себя не скрывает, ты прячешь сам. Или об этом просит адвокат. Потому что мы не успеваем за страной, за людьми. Они уже другие, что-то для себя решившие, а мы еще не можем в это поверить — все кажется, что они не до конца понимают, где мы оказались.

Это, конечно, уже не совсем журналистика, ну так а что у нас осталось таковым, как было.

Шарыпово, Красноярский край. Август 2025 года. Фото: соцсети

«В тюрьму! В тюрьму! В тюрьму!»

Адвокат К.:

— Военных я уже просто не беру. Нервы, все чувства за три года выгорели, не могу смотреть, что творят... Последний мальчик меня добил. Позвонил насчет него из Москвы военный адвокат, он пока пытается что-то делать. Говорит: увидели, что вы есть, можно вас посоветовать? Мальчик — сочник (СОЧ — самовольное оставление части), его задержали, он хочет признаться и сдаться. А смысл? Это я спрашиваю. Я сразу позвонившему говорю: знаю, что будет... Ну, отвечает, я из Москвы вообще ничего не могу, давайте отдам вам хотя бы на консультацию.

И вот приходит его мама. Плачет. Они из деревни. Сыну 20 лет,

есть еще ребенок. Что вы хотите? Хотим признаться в тяжелой статье, быть осужденными и сидеть в тюрьме. Говорю: классный рецепт, но уже с полгода (а то и год) не работает. Почему, спрашивает она. До них же доходит медленней. Пока им радио сообщит... А мы на острие всех новелл... Ну вот так и так, говорю. Запихнут в самолет и увезут.

Просит: давайте попробуем. Ну и жалко мне их стало.

Надо пробиться в часть (она в соседнем, недалеком городе), взять у него явку (с повинной) в совершении тяжкого (преступления), оформить, зарегить ее (зарегистрировать). Для этого все подготовить. Времени нет совсем.

Через пару дней, в выходной, взяв такси, приезжаю в часть.

Смешно получилось. Выбегает автоматчик: вы кто?

Докладывает наверх. Спрашивает: а у вас согласовано? Наверно, да. Уклончиво отвечаю, потому что решает-то все, разрешает комендатура, следком еще не в курсе, что я есть. Ну, выводят его. А у меня все готово, все бумаги. Подписывает. Я ему объясняю: скорее всего, не поможет. Но...

Обратно (до ближайшего поселения) возвращаюсь пешком — такси оттуда не вызвать. На следующий день явку приняли в дежурке, копию — прокурору.

А через четыре дня его запихивают в самолет. И еще примерно 40 человек. И в Ростов-папу.

К. показывает телефонную переписку:

13:22. «Меня на борт забрали. Везут в Новосибирск на

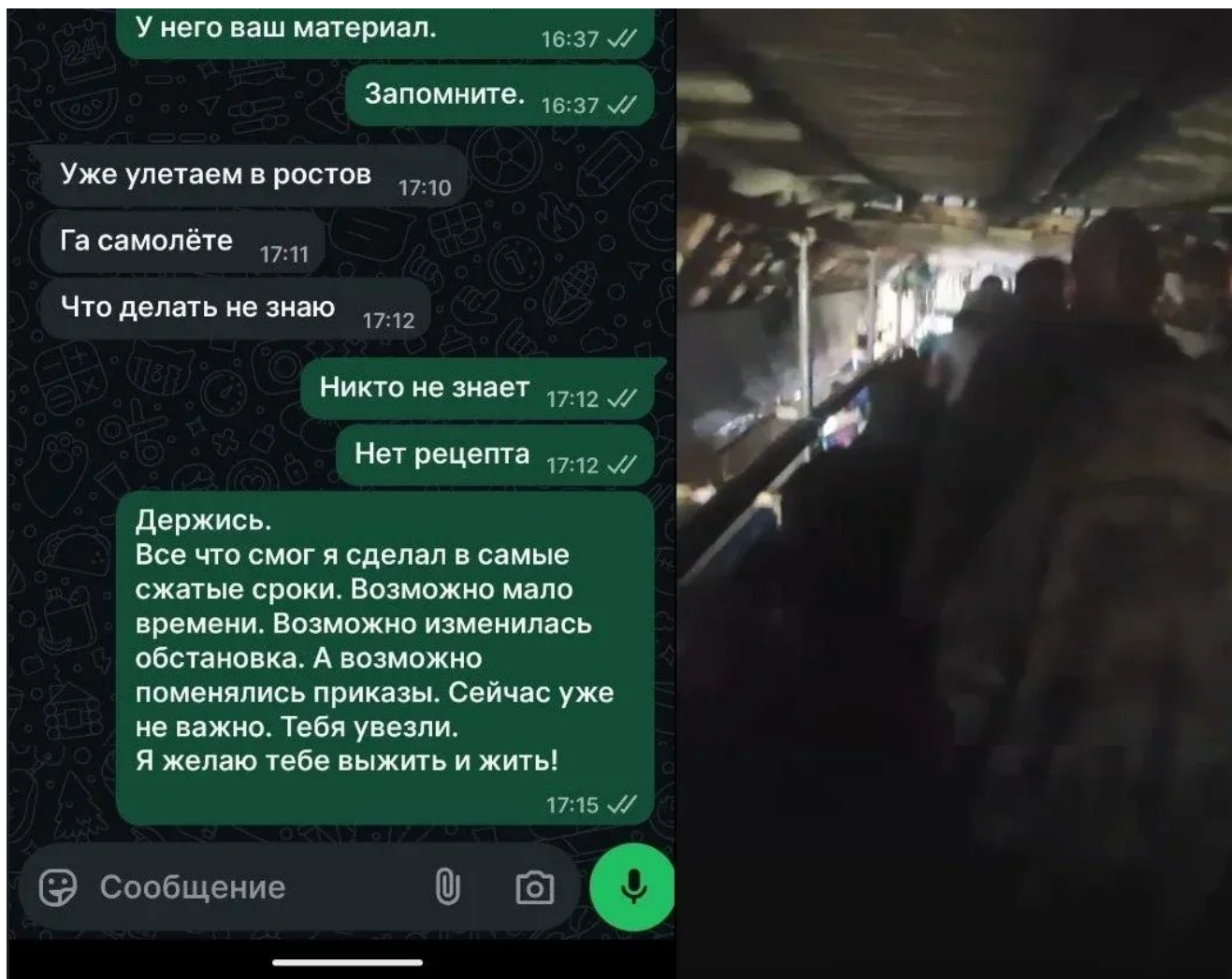
сборный пункт».

16:36. Адвокат называет фамилию военного следователя:
«У него ваш материал. Запомните».

17:10. «Уже улетаем в Ростов. На самолете. Что делать, не знаю».

17:12. «Никто не знает. Нет рецепта».

17:15. «Держись. Все, что смог, я сделал в самые сжатые сроки. Возможно, мало времени. Возможно, изменилась обстановка. А возможно, поменялись приказы. Сейчас уже неважно. Тебя увезли. <...> Я желаю тебе выжить и жить».

Два свидетельства об одном. Переписка при отправке СОЧ из Новосибирска и скрин видео Андрея при отправке СОЧ из Абакана. Личный архив

— Мать обрывает телефон и пишет в этот момент, пишет, — продолжает. К. — А что сделаешь? Потом увидел следователя в другом месте, говорит: дело мне отписали. Я: а самолет сегодня. Он: как сегодня?.. Блин, не успели.

Ибо, как правило, если человек попадает в списки на борт, ни сам господь бог, никто уже не вытащит. А он в списках был, как я понимаю, еще до моего появления.

Такие дела.

И я не смог. Внутри болит. И они — вот такие, с той же бедой — приходят пачками.

Мальчик этот приехал со СВО в отпуск и остался. На полгода. Дома, с мамой. Жил, не прятался. То есть он себе 5–10 (лет)

заработал. Там же тонкая грань. Если ты сбегашь и конкретно отказываешься, у тебя дезертирство, от пяти до 15. А если ты хотел вернуться, но попозже, то 5–10 (ну и есть градация по срокам отсутствия в части).

Спрашиваю мальчика: «А зачем контракт подписал?» Глаза в пол и молчит...

Я так и не понял. Ну деньги. Либо заставили. Все это я сейчас слышу от тех, кто обращается.

А эти дела не нужны, они и не возбуждаются. Потом прекращаются. Эти мальчики не нужны в тюрьме, они нужны там, на передке. Сорок (улетевших из Новосибирска в Ростов) отсюда, 40 оттуда, 40 еще откуда-нибудь.

Есть установка возвращать. Тратить керосин и возвращать (это слово К. повторяет раз десять).

Мы дошли до того, что люди не боятся тюрьмы, ничего не боятся и назад не хотят. А юрист помочь не может: как было раньше — признание вины, раскаяние, явка, тяжесть статьи — не работает.

По закону они обязаны брать и судить, держать в СИЗО, дисциплинарной воинской части и осуждать, но они этого не делают. И все, кто соприкасается с этой темой, понимают: бесполезно.

Если адвокат добился, чтобы явку приняли, возбудили дело и посадили человека, это называется победа, вы представляете?

А зачем подписал (контракт), спрашиваешь. Так это, отвечают,

они обещали контракт на год. А потом уйдешь с деньгами.

Неграмотность и нежелание быть грамотным. Смотрят зомбоящик. А потом жить-то хочется. Приезжают и обнаруживают несколько другое, чем обещали вербовщики. Сразу хочется к мамке домой.

Ну и безнравственность общества... Одна тут ко мне приходила. Восьмая из восьми жен. Фальшивых. 14 миллионов хотела получить. Замуж вышла за сутки до отправки на фронт...

Неразвитость. Критического мышления нет. Отсутствие инстинкта самосохранения на начальном этапе. Больше не берусь за эти дела. Хватит.

Ачинск, Красноярский край городское кладбище, могилы участников СВО (с флагами) и мусор. Август 2025.
Фото: прокуратура края

Красное как черное и наоборот

Тюрьма в России и СССР никогда не стояла выше армии в предпочтениях народонаселения (исключения бывали, но я о массовых умонастроениях), они никогда даже и не сливались во что-то одинаково страшное.

Майское наводнение 1987 года в Кунгуре (Пермская область). Нас, тогда солдат-чернопогонников (войсковая ПВО), только что прибывших из караула, погнали строить защитные дамбы: мы таскали и укладывали мешки с песком. Рядом оказались наши враги — краснопогонники (внутренние войска). Они охраняли бессчетные кунгурские зоны, и с «красными» мы, выходя в город в увольнение, дрались ремнями. Рядом и зэки таскали мешки. Все впряглись в один хомут, спасая город.

Коричневая, пузырящаяся муть растекалась стремительно, несла, закруживала мусор, кусты, деревья, срезанные и вырванные с корнем. Помню, как двое зэков, подхватив одного «красного», оказались на плоту — что-то вроде строительного щита, поддона ли, куска опалубки. А чем кончилось, даже не отложилось: сутки до этого не спали и там, у поднимающейся Сылвы, пластались к тому моменту почти сутки. Помню лишь страшноватые улыбки костлявых зэков, когда их понесло течением, и испуг «красного». Ну и как-то особо не вглядывались, не интересовались: и зэки, и «красные» принадлежали к совершенно другой части нашей общей советской жизни. К части, о которой даже думать было мерзко. Думаю, если б мы все не валились с ног, мы бы и тогда с ними подрались.

Когда у советских детей ломались солдатик, их заливали эпоксидкой. Чаще всего воины ломали ноги. Там, где они крепились к подставкам. Твердеющая смола давала объем, и отныне красноармейцы в бушлатах с перевязанными головами и винтовками наперевес будто плыли каждый на отдельном плоту.

Дети играли в войну. А в тюрьму советские дети не играли, игрушечных зэков советская промышленность не штамповала, и на плотях они не плыли.

В 1982 году Юрий Лоза напишет песню «Плот». Потом, в 2007-м, она попадет в «Груз 200» Балабанова — под нее мент-маньяк с жертвой катит по Ленинску на мотоцикле. Ну эти фирменные многоминутные балабановские проходы-проезды в городских ландшафтах под музыку... Потом там будет «Жених приехал» и труп солдата. Из Афганистана. Это нарушало — лично мне — мой персональный и железобетонный ассоциативный ряд из детства: плот — солдат — ранение. Добавляло в него ментов, тюрьму и все ее мерзости.

О личном говорю, потому что не знаю, как общими словами сказать о сломе важнейшего из российских устоев. А это уже случилось. Когда в тылу в вернувшемся оттуда видят что-то крайне опасное. Когда значительная часть страны стоит за продолжение СВО, но лишь потому, что боится возвращения этих солдат домой. Это с «вагнеров» началось, с выгребания зон и тюрем, с рассказов солдат о царящих там порядках. И вот сейчас — логичное продолжение, когда суды рассматривают дела тех, кто хочет лучше сесть... Пирамида перевернулась. Плот перевернулся.

Улица 9 мая, Красноярск. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Я эксперт в этом вопросе, у меня в армии тоже случилась самоволка. Сидел на гауптвахте, выручил оттуда комбат, майор Балакирев. А дивизионный особист обещал мне дисбат. Дисциплинарного батальона («дизеля») боялись: репутация у него была хуже, чем у тюрьмы. Но про саму тюрьму, какого бы рода происшествия в нашей дивизии ни происходили, никто — ни командиры, ни мы — даже не заикался. Это были другие пространства, другая физика там, этого не желали даже злейшим врагам. А сейчас — вот так. (Понятно, что дисбаты сейчас вроде как и ни к чему — в них оружие не выдают, куда их...)

Через восемь лет после выхода балабановского «Груза 200», в 2015-м, журнал «Русский репортер» по результатам социологического исследования и опроса в соцсетях составил [рейтинг](#) самых популярных в России стихотворных строк.

Песня «Плот» не стала государственным гимном, но заняла почетное 44-е место. Гимн СССР рядом, у него 39-е место.

Зэчье и кадровые военные почему-то оказались в одном ряду. Культура посадок изменилась радикально. Новые составы преступлений, особый контингент. И в тюрьму... просят. И она выглядит для многих теперь самым честным местом. А прежде армии **доверяло** большинство страны, больше, чем церкви, больше, чем всем другим институтам и структурам (87% в 2016 году).

Красноярский городской форум. Фото: мэрия Красноярска

Похоже на конец одной большой истории. Возможно, потом начнется другая. Или не начнется.

Впрочем, это общие слова, а мы про людей. Зэки уходят на спецоперацию по-прежнему конвейером. Тюрьмы пустеют. Происходит реальная деколонизация России — многие лагеря

заколачивают: тюрьма закрыта, все ушли на ***. И солдат в тюрьму не берут, возвращают обратно.

Сказал бы, что такие меры, как вши, заводятся от полной безнадеги и упадка, но ведь нет — по-своему это выглядит логично. Солдатам — воевать, а не сидеть.

Но так это выглядит, если не вникать в конкретные судьбы и не слышать, что именно говорят солдаты, предпочитающие тюрьму. Если не видеть, как разъедает тончайшую ткань, из которой так сложно соткан любой из нас и наша общая, одна на всех, цивилизация. Если людей — вот этих, конкретных — вывести за скобки. Людей, которые должны быть не здесь. Которые должны победить или погибнуть — как это видится другим таким же вроде людям.

Посидели. Посидеть не дадут

15 сентября ТАСС **сообщил:** правительственная комиссия одобрила ужесточение трех статей УК: 337, 338, 339 (СОЧ; дезертирство; уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами) для бывших заключенных, подписавших контракт. За СОЧ свыше месяца, равно как и за уклонение от службы, срок **вырастет** с 5–10 лет до 7–12, а за дезертирство — с 5–15 до 10–20.

Помимо того, «Российская газета» в тот же день, 15 сентября, **уточнила**, что будут конкретизированы и скорректированы — понятно, не время для человеколюбия — еще две статьи УК: 332 (неисполнение приказа) и 348 (утрата военного имущества).

В какой стране вносят такие законопроекты, правительство какой страны их одобряет? ТАСС и отечественные СМИ пишут, что дело происходит в России. Но в России всех этих беглецов с поля боя, сидели они до участия в СВО или нет, едва ли не автоматически освобождают от тюрьмы, отправляя на то же

поле обратно.

Кого тут пугают тюрьмой?

На параде в Красноярске, 9 мая 2025. Фото: Михаил Шуклин

О сочниках и их возвращении «за ленту»: военные юристы называют это алгоритмом. Адвокат Х. говорит, что с 2022 года оказал юрпомощь 950 военнослужащим и их близким, при этом «довольно часты обращения по СОЧ». Явок с повинной, очевидно, пишут немало. И некоторые дела даже, судя по картотекам гарнизонных военных судов, рассматриваются. А судя по письмам из СИЗО и колоний, вербовщики теперь спрашивают о желании пойти на СВО и у тех, кому закон туда идти не позволяет, — у получивших приговоры за терроризм, экстремизм, госизмену. В итоге их в войска не забирают (по крайней мере мне неизвестно о подобном), однако это еще одно важное свидетельство того, как работает госсистема: установка спущена, и каждый на своем участке пытается выдать лучший

показатель. Независимо от его соответствия писаным и неписаным законам.

Возвращаюсь к разговору с адвокатом К.

— А первые трое пришли... тоже никогда их не забуду, — продолжает он после паузы. — Три пацана, тоже деревенских, из одного района. Все втроем садятся рядом. Смотрю на них — шесть седых глаз. Говорят: чё делать?

Отвечаю: сдаваться, признаваться... А они только сбежали, у них еще месяца нет (градация тюремных сроков — во всяком случае, раньше было так — базируется на сроках отсутствия бойца: от двух до 10 суток; от 10 дней до месяца; свыше месяца). Я говорю: не могу советовать совершать преступление, это незаконно, и решать в любом случае вам, а рассказать, что вы сейчас совершаете, могу, и что вы совершите, когда месяц пройдет, а вы в часть не вернетесь, тоже могу. И ответственность какая, расскажу. И как это должно работать, и как в реальности работает.

...Но вообще-то они и сами знают, народ понимает все. Сажайте «на сколько угодно».

— Этой опции — тюрьмы — вовсе для таких сейчас нет?

— Она есть. Для минимального показателя. Когда кому-то выгодно, когда что-то подсчитают, тогда и... Одного парня удалось, кстати, отбить. Тоже из сельской местности. Его мобилизовали, а дома погибла его ближайшая родственница, одни остались его братья-сестры несовершеннолетние. Приехал на похороны, оформил временную опеку над детьми, быстро сделав все документы. Сообщил в часть, что задержится — уважительная причина. Там вошли в положение. А потом он оформляет опеку уже постоянную. В законе на сей счет пробел (разные требования или умолчание о них для контрактников,

срочников, мобилизованных), но парня по семейным обстоятельствам со службы не увольняют. Он приходит ко мне: давайте обжалуем бездействие. Полетели вместе в суд. Нам по итогу отказали, но судья запросил документы, которые нам помогли. Мы понимали, что нам откажут, но движение пошло. И потом мне звонит какой-то очень большой начальник, говорит: дело на контроле в Генеральной прокуратуре. Хотим разобраться и помочь. Предлагает такой вариант: подписывайте контракт, и мы тут же его увольняем — лазейка только тут. Нужен контракт. И я верю ему. Что они это сделают. Он меня 11 минут убеждал: «мы проконтролируем, слово сдержим». Я рекомендую парню согласиться. А он — «нет, я им не верю. Я контракт подпишу, а меня кто-то в этой цепочке может кинуть».

На параде в Красноярске 9 мая 2025. Фото: Михаил Шуклин

Хорошо, говорю, тогда вариант Б. Сейчас в суде по месту жительства просуживаем иждивенцев — что они, вот именно

такие-то дети, у тебя под опекой, на иждивении — и заходим с требованием увольнения опять. Мы это все делаем, и тут нам приходит: вы уволены. Главное военное управление уволило вас в запас. По семейным обстоятельствам. До свидания!

<...> Ну и надо понимать, — продолжает К. — Секрета особого нет. Местами недобор в полиции близится к 70% (официальные общие цифры ниже, но ниже не принципиально), в СК — около 50, в прокуратуре — возле 40 (официальных цифр о недостатке сотрудников в этих органах нет). Судей — 19%, по статистике судебного департамента в этом году. Судейские говорят, что недобор больше. Да я и сам вижу, что уходят. Бегут. Потому что не вывозят. Каждый год появляются новые бумаги, бумаги, бумаги, формуляры, требования, а показатель нужно держать прежний. Человек физически не может эту норму выполнять, никак. Секретарь, судья, прокурор, следователь. Жить на работе, жить без семьи, без детей, без отпуска нормального. На качество времени нет, нужно объем выдавать, бюджеты оправдывать.

И то, что работало, работать перестает. Потому что — извините, времени не хватает. Отчеты, сроки, продление сроков, процессуальные какие-то вещи... Вопросы и качество доказывания уходят на третий план. Открываешь дело, а там из 10 томов два — это движение дела. 500 листов. Зачем? Это продление сроков, снова продление сроков и т.п. Дело должно поступить в суд за 25 суток до истечения срока, а срок — два месяца; получается, только чистый месяц для работы есть. Кто это придумал? Они сами себе стреляют в ногу. Или в руку. И сидят: отчеты, отчеты, отчеты, формуляры, статистика, проверяющие, надзирающие, проверяющие надзирающих, надзирающие за проверяющими, контролирующие надзирающих. И сидит следователь: увольняюсь. Глаза несчастные. И так у многих. Видишь это каждый день. Нет такого, что «хочу работать»! Разумеется, у кого-то есть. Но это быстро исчезает — когда жизнь только для работы.

Что россиянам советуют «Хроники Нарнии»

Улица Коммунистическая, Красноярск. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Внутренние органы — на разрыв. Суд, тюрьма тоже переживают крутые перемены. Вероятно, справятся, иначе не бывает, и речь, в общем, не о них. А о проходящих через них или только мечтающих пройти через них, чтобы изменить судьбу, потоках людей. О выгорающих адвокатах — с их абсолютно бессмысленной эмпатией в совершенно неожиданных местах и обстоятельствах.

Спрашиваю:

— Столько сделали за все минувшие годы, должно бы уже отболеть, что так переживаете?

— Да показалось что успею и смогу, — адвокат К. все о том парне, что «больше не хочет», но увезенном. — Очень много приходило ко мне их. За три-то года. Всё, хватит.

Человек не из бетона. И в церкви свечи заканчиваются, и сами

свечи догорают. Если посадка в тюрьму теперь расценивается как адвокатская победа, это уже другая страна, не знакомая нам. Узилище — лживая альтернатива, надежная, как апрельский лед, однако в ней, в слове «лживая», — внутри «жив». Фразу «случайно посчитали, что единственное, что нужно сохранить любой ценой, — это жизнь» приписывают Клайву Льюису, автору «Хроник Нарнии».

Правда, ничего подобного энтузиасты в его сочинениях не находят. Ну, фейк это или нет, и если фейк, то в какой мере, каждый может решить сам.

Свет позади, свет впереди, здесь мрак

И об Андрее, 31-летнем капитане, сочнике — его историю [рассказывал](#) 29 августа. Военный юрист из Красноярска У., в отличие от адвоката К., вообще не успел ничего предпринять, написать после задержания Андрея — его тут же, изъяв с лесоповала, где он трудился уже два года, быстро набрав команду, отправили на военном транспортнике из Абакана в Ростов. Офицера поставили на штурмовое подразделение, готовить солдат.

И вот — родные капитана (а они успели написать Владимиру Путину, получили от ряда ведомств формальные ответы) сквозь рыдания: «Сходили в военкомат. С 12-го числа (сентября) он — без вести пропавший. При всем этом нас отправили сдавать ДНК и на выплаты — писать заявление. Ну, заявление — когда будет извещение. Сказали, если по факсу, то быстро придет, если почтой — подольше. Короче, так».

Настоящее имя Андрея пока не называю.

Сочники, в том числе Андрей, поднимаются на борт военного транспортника, улетающего в Ростов. Скриншот видео Андрея

От него осталось последнее видео. Он в колонне с другими молодыми людьми в камуфляже, но без оружия поднимается через задний грузовой люк в чрево военного транспортника. «Полетим на этом чудном самолете в самый город Ростов... Всё, всех обнял, с Богом». 25 секунд видео, 25 метров — длина грузового отсека, они идут, свет позади, из открытого люка, свет впереди, а посередине сгущается тьма, и солдаты, шедшие прежде свободно, все плотней друг к другу. Словно очередь выстраивается куда-то, за чем-то.

Этот текст вышел в пятом номере журнала «Новое обозрение». [Купить журнал](#) можно в телеграм-магазине

«Для дорогих людей».